

ДМИТРИЙ
Колчигин

О жизни понятий: от переводчика

Дмитрий Колчигин (р. 1988) -- переводчик, филолог, работал над переводом на русский язык сочинений Якоба Гримма, Эрнста Роберта Курциуса, Эриха Ауэрбаха и других. Живет и работает в Алматы (Казахстан).

На три представленные в этом тематическом блоке статьи приходится два автора, три даты и три места публикации. Тем не менее по существу эти тексты представляют собой неделимое целое, что касается целого ряда аспектов: кольцевые ссылки, взаимодополняющие факты, единая нить повествования и собственно авторское единодушие. Лео Шпитцер и Франц Маутнер во многом пережили типичный опыт своего поколения. Оба – филологи-универсалы, с одинаковым вниманием относившиеся к мельчайшим атомам социолингвистического порядка и к целым языковым картинам, сложенным из европейских литератур. Оба – австрийские протестанты еврейского происхождения, для которых лютеранское «различие между Законом и Евангелием» увязалось, в конечном счете, с Нюрнбергским расовым законом. Оба были вынуждены покинуть свой языковой ареал; вторую половину жизни оба провели в США. Этим единством опыта в значительной степени обуславливается и целостность того культурно-исторического высказывания, которое Шпитцер и Маутнер разделили в данном случае на двоих; в 1948 году Шпитцер, обосновывая свою методiku, отмечал, что во всем опирается на принцип «метод – это опыт», сформулированный в свое время Фридрихом Гундольфом.

**ПОЛИТИКА
ТЕРМИНОЛОГИИ:
NAZI – SOZI –
SPEZI**

Три собранные здесь статьи впервые публикуются совместно и впервые переводятся на другой язык; тем временем их вполне можно считать бесценным документом эпохи, вобравшим в себя и лингвистический позитивизм, и уникальное личное переживание. Первая статья, «Жизнь слова *Nazi* во французском языке», относится к периоду взлета национал-социализма (1934); вторая, «*Nazi* и *Sozi*», – к периоду его упадка (1944); третья, «*Nazi-Spezi*», написана уже в новом мире (1946).

Эта историческая дуга прослеживается и в стилистической структуре самих работ. Первая шпитцеровская статья написана со множеством иносказаний, скрытой иронией, отчасти в дипломатическом духе и с явной надеждой на улучшение или по крайней мере стабилизацию общенемецкого положения дел. Статья Маутнера – констатация печального факта: представления о «нацистском» и «немецком» в мире начинают сливаться (к счастью, это оказалось временным явлением)¹, а осуждающе-насмешливое слово, вышедшее из народного фарса, возвращается к тем же оттенкам смысла, но уже на подмостках народной трагедии. Наконец, последняя реплика Шпитцера – это в значительной степени беспощадная инвектива против «спецов»: ученых, поставивших свое знание на службу национал-социализму. Костяк статей, впрочем, составляют специализированные сведения об отдельных лексемах: общественно-политическая позиция авторов растворена среди намеков и маскирующей тайнописи.

Стоит отметить, что политизированный эзопов язык на определенном этапе вообще был филологической специализацией Лео Шпитцера. В Первую мировую (с 1915-го по 1918 год) он работал военным цензором при венском Центральном бюро информации; через его руки проходили письма итальянских военнопленных², и на основе этого материала была создана ныне знаменитая книга «*Italienische Kriegsgefangenenbriefe*» (1921; см. о ней в комментарии к диалогу Шпитцера и Маутнера), в которой на многочисленных примерах рассмотрено искусство недомолвки и иносказания (широко известен раздел о понятии «голод», запрещенном к упоминанию; см. также интереснейшую главу «Отношение к цензуре»). В «Жизни слова *Nazi*» Шпитцер вынужден был и сам прибегнуть к разного

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
О ЖИЗНИ ПОНЯТИЙ:
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

1 Здесь необходимо упомянуть и отметить статью Лео Шпитцера «История духа против истории идей в приложении к гитлеризму» (1944), в которой он выступил с апологией немецкой культуры XIX века и категорически отверг идею о концептуальном родстве между немецким романтизмом и немецким национал-социализмом. См.: SPITZER L. *Geistesgeschichte vs. History of Ideas as applied to Hitlerism* // *Journal of the History of Ideas*. 1944. Vol. 5. № 2. P. 191–203.

2 Стоит добавить, что Шпитцер выступал как последовательный противник и критик империалистических войн. См. его ранние публикации в венской антивоенной газете «*Der Friede*», а также брошюру «*Anti-Chamberlain: Betrachtungen eines Linguisten über Chamberlains "Kriegsaufsätze" und die Sprachbewertung im allgemeinen*» (1918).

рода намекам и экивокам; в 1934 году германский «рейх» все еще сохранял лицо на международной арене, а сам Шпитцер, хотя и находился в Стамбуле, по-прежнему имел проблемы с гражданством. По этой небольшой статье совершенно отчетливо видно, что Шпитцера в высшей степени волновало положение его родной Австрии и что он внимательно следил за первыми разговорами о потенциальной аннексии. Как бы к слову, просто в виде примера, он цитирует статью под названием «Угроза для австрийской независимости» из «Bulletin du jour» и особо выделяет в ней один фрагмент, в котором рассказывается, что Австрия наводнена подпольными нацистскими листовками. Цитируя итальянскую «Corriere della Sera» – вроде бы только для того, чтобы отметить характерную форму *social-nazional*, – Шпитцер опять же берет для примера «одну статью об Австрии», в которой речь идет о противоборстве социал-демократов и национал-социалистов внутри страны. Избирательное цитирование вообще в этом случае исключительно характерно: это резко отличает шпитцеровскую технику иносказания от той, что он описывал в молодые годы – там речь шла о бытовом, народном языке, и целую главу в своих «Письмах итальянских военнопленных» Шпитцер посвящает «наивности» высказываний. Здесь же речь идет об «ученом» инословии, где главным инструментом становятся цитаты, в своей объективности одновременно безобидные и безупречные.

Так, например, цитируя Геббельса, Шпитцер подбирает фразу, в которой даже нацистскому министру приходится признать, что и в мире, и внутри Германии многие видят в национал-социалистах «каких-то культурных варваров» (опуская при этом слово «современных»; варвары, очевидно, – явление вне времени). Прекрасный пример двойного использования слов *national-socialiste* и *nazi* по отношению, соответственно, к людям и предметам, построен у Шпитцера на новости о том, как в Саарбрюккене (тогда еще французском Сарбрюке) местного жителя арестовали за открытую демонстрацию нацистской символики. Форму *nazzi* Шпитцер находит не где-нибудь, а у Льва Троцкого, что дает полное и объективное основание привести сразу несколько весьма характерных цитат. Несколько раз подчеркивается родство той же формы *nazzi* со словом *jazz* (нацисты, стоит помнить, при первой возможности запретили «вырожденческую музыку») – элемент демонстративности при этом почти целиком снимается за счет непредвзятых фонетических фактов. Говоря о редких примерах немецкого *Nazi* как хвалебного титулования, Шпитцер приводит цитату, речь в которой идет о Карле Либиге, подозреваемом в жестоком убийстве. Понятие о «нацистском приветствии» иллюстриру-

ется ссылкой на «Расы» – антифашистскую пьесу Фердинанда Брукнера. Разумеется, в этом же ряду стоит и центральный германистический факт, рассмотренный Шпитцером в этой статье и впоследствии хорошо подкрепленный у Маутнера: сама словоформа *Nazi* возводится к изначально пейоративным и насмешливым южнонемецким оборотам. Сравним *Nazi* также с риторическими приемами: называя *Nazi* «дочерней» формой от *Sozi*, Шпитцер добавляет, что это «дочь, убившая отца»; говоря о стяжении корней, приводит народную шутку о *Popo = Politische Polizei*; к слову вспоминает о французском омониме *nazi*, означающем сифилитика, и так далее. Особое торжество языковой правды Шпитцер видит во французском слове *raciste*, которым характеризуется «народное» устремление тогдашней Германии. Ученых, так или иначе согласившихся сотрудничать с режимом, Шпитцер критиковал исключительно резко (можно вспомнить, что даже Эриха Ауэрбаха, не сразу покинувшего Германию и принесшего «клятву немецкого служащего», Шпитцер довольно отчетливо осуждал), и в этом плане также весьма характерны его язвительные рассуждения в «*Nazi-Spezi*» о том, что так называемые «спецы» («беспомощные, выхолощенные прислужники»), до конца остававшиеся с номенклатурой, – это не только *Spezialisten*, но еще и *Spezialfreunde*, закадычные друзья режима.

Вся эта информация сокрыта за массой фактического материала и в глаза не бросается. Тем не менее для Шпитцера, безусловно, характерна исследовательская эмоциональность, личное вовлечение в процесс – причем это касается не только животрепещущих политических вопросов, но и тем, казалось бы, далеких от бушевания страстей: авторская стилистика, история фразеологических оборотов, этимология и литературоведческие методики... На всем протяжении шпитцеровской научной карьеры личная вовлеченность в любую тему оставалась одновременно и ахиллесовой пятой всего метода (критику можно найти у Гуго Шухардта и Эрнста Гамильшега), и гуманистическим достижением, возвышающим классические работы Шпитцера над кабинетным академизмом (о чем, со своей стороны, писали, например, Гельмут Гатцфельд и Дональд Штауфер). Статья Маутнера в этом смысле по внешним признакам отличается от шпитцеровских; во всяком случае в ней не прослеживается такого количества скрытых намеков. Тем не менее в ее основе, как и у Шпитцера, также лежит переживание личного опыта; будучи знатоком, исследователем и издателем пьес Иоганна Нестроя, Маутнер опять же находит ответы на исторический вызов у «своего» автора, в его языке и стиле. «Человеческий язык, – говорит Шпитцер, – создан в первую очередь, чтобы говорить о человеческом». Весьма ха-

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
О ЖИЗНИ ПОНЯТИЙ:
ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

рактенно само название «Жизнь слова...», характеризующее, пожалуй, не только одну статью 1934 года, но и весь приведенный здесь цикл, и даже шире – всю фосслеровско-шпитцеровскую школу: слово живет, страдает и видоизменяется вместе с человеком, в слове можно найти исторические силы, воплощенные в лицах. Примечательно, что Шпитцер фактически сравнивает со словом самого себя: «Заимствованные слова, – говорит он в 1934 году, сразу после своего отъезда в Стамбул, – как и все эмигранты, попадают в совершенно иные жизненные обстоятельства». Якоб Гримм писал когда-то о грамматической безжизненности иностранных заимствований в немецком языке; во французском Шпитцер находит обратную ситуацию: «слово-эмигрант» не только не костенеет и не лишается своей внутренней силы, но даже, напротив, напитывается новой жизнью, сбрасывает с себя груз противоречивых коннотаций и по существу – освобождается³. В 1946 году Шпитцер получил предложение о восстановлении своей кельнской профессуры – возвращаться в Германию он отказался.

Удивительно, но из всех работ Шпитцера на русском языке до сих пор, с разницей в 90 лет, публиковались лишь две статьи: «Словесное искусство и наука о языке»⁴ в переводе Виктора Жирмунского и «Американская реклама как массовое искусство»⁵ в переводе Марии Вольфсон. Работы Франца Маутнера на русский язык не переводились вовсе. Эти упущения нам еще предстоит наверстать; введением же может послужить данная публикация.

- 3 Здесь стоит вспомнить и рекомендовать к прочтению раннюю брошюру Шпитцера «Травля заимствований и ненависть к инородцам», написанную «против языковых чисток» по итогам Первой мировой и тематически во многом перекликающуюся со статьей «Свое и Чужое: о филологии и национализме», ставшей своего рода филологической суммой Второй мировой войны. См.: SPITZER L. *Fremdwörterhatz und Fremdvölkerhaß. Eine Streitschrift Gegen die Sprachreinigung*. Wien: Manz, 1918. S. 65; IDEM. *Das Eigene und das Fremde. Über Philologie und Nationalismus* // *Die Wandlung. 1945–1946*. № 1. S. 576–594.
- 4 ШПИТЦЕР Л. *Словесное искусство и наука о языке* // *Проблемы литературной формы*. Л., 1928. С. 191–218.
- 5 ОН ЖЕ. *Американская реклама как массовое искусство* // *Мир образов, образы мира. Антология исследований визуальной культуры*. М.: Новое издательство, 2018. С. 154–168.